

В. Л. ВИНОГРАДОВА

Лексическая вторичность „Задонщины“ сравнительно со „Словом о полку Игореве“

Подражательная связь «Задонщины» со «Словом о полку Игореве» неоднократно отмечалась исследователями почти со дня открытия древнейшего списка этой повести.

Автор «Задонщины» рязанец Софония заимствовал из «Слова о полку Игореве» не только отдельные слова и выражения, но и целые отрывки, лишь слегка интерпретируя их в соответствии с содержанием своего произведения. Автор и позднейшие переписчики «Задонщины» часто заимствовали слова и выражения «Слова о полку Игореве» механически, порой даже без достаточно ясного понимания перенесенного места.

Сравнение этих двух памятников было развернуто в историко-литературном плане и сводилось в основном к подыскиванию соответствующих параллелей из «Слова о полку Игореве», а также к определению степени близости к «Слову» заимствованных из него в разных списках «Задонщины» выражений и отрывков. Так как автор «Задонщины» иногда подражал «Слову о полку Игореве» механически, то по системе словарного состава она являлась памятником несколько архаическим для начала XV в., когда она была написана. Степень этой архаичности, естественно, повышается в поздних списках «Задонщины», относящихся к XVI—XVII векам. Вопрос же, в чем заключается эта архаичность «Задонщины», можно решить только обратившись к литературно-лингвистическому сравнению «Задонщины» со «Словом о полку Игореве».

При лексическом и стилистическом сравнительном анализе этих памятников можно обнаружить, что автор и переписчики «Задонщины» многое изменяли соответственно языковым и стилистическим требованиям своего времени.

В данной работе мы коснемся только некоторых наиболее ярких примеров архаичности «Задонщины», обусловленных ее подражательным характером, и, указывая в ее списках на различные замены элементов «Слова о полку Игореве», постараемся выяснить причины и закономерности этих замен.

Сходство тематики обоих памятников, посвященных борьбе русского народа с захватчиками, предопределяет прежде всего общность военной терминологии обоих памятников.

Мы остановим внимание на тех военных терминах, которые или встречаются в «Задонщине» в ином сочетании, чем в «Слове о полку Игореве», или в языке эпохи «Задонщины» приобретают иной удельный вес и смысловое значение.

Автор «Задонщины» имеет склонность к характеристике каждого вида оружия по происхождению. Например, князь Дмитрий Иванович говорит о своей рати: «...а на собѣ злаченые доспѣхи, а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, и кинжалы фряские, а мѣчи булатные».¹ Во всех списках «Задонщины» во фразах, заимствованных из «Слова», «мечи харалужные» заменены на «мечи булатные». Например: «...а гремѣли князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские».² Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Яръ туре Всеволодѣ!.. гремлешо о шеломы мечи харалужными!».³ Эта замена произошла не случайно. Оба типа мечей восточного происхождения. Однако харалуг, т. е. дамаская сталь, по определению А. В. Арциховского,⁴ не был уже распространен в эпоху «Задонщины». Может быть, уже тогда его сменила булатная сталь. Археологические данные отмечают появление булата на Руси не ранее XIV—XV веков. Так, к 1430 году относится рогатина тверского князя Бориса Александровича (1425—1461 годы), рожон которой выкован был из булатной стали.⁵ В письменности слово «булат» зафиксировано с XV века. Оно было заимствовано с Востока вместе с способом получения этой стали: «А булат хорошей красной выходит в наше государство из Индейского государства».⁶ Таким образом, вполне закономерна замена в «Задонщине» во фразах, явно заимствованных из «Слова о полку Игореве», «мечей харалужных» на «мечи булатные».

Эпитет «харалужный» употребляется в «Задонщине» в сочетании «копья харалужные»: «Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топоры легки».⁷ Даже в древнейшем списке «Задонщины», Кирилло-Белозерском, эпитет «харалужный» был перенесен из «Слова о полку Игореве» чисто механически, очевидно, без точного понимания его смысла, так как несколько ниже в том же списке читаем: «Доне... пробил еси берези хараужныя».⁸ В других списках «Задонщины» слово «харалужный» писцы совсем исказили: «хараужничьные»,⁹ «фарлужные».¹⁰

Интересно заметить, что упоминание сабли, которая в XV—XVI века получила широкое распространение на Руси, в «Задонщине» мы находим только однажды, во фразе, заимствованной из «Слова о полку Игореве»: «А уж[е] диво кличетъ под саблями татарскими».¹¹

В «Слове о полку Игореве» употребляется выражение «сабли каленые». «Каленый» — постоянный эпитет русского народного творчества. Однако в фольклоре сочетание «каленные сабли» не встречается, там фигурируют выражения «острые сабли», «булатные сабли», но «каленные стрелы». По-видимому, текст «Слова о полку Игореве» донес до нас отголосок былой свободы этого эпитета, ставшего впоследствии постоянным. В фольклоре нигде не встретим «острые стрелы», как в «Слове»: «Загородите полю

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». Труды ОДРЛ, VI, стр. 246. Список Ундольского.

² Там же, стр. 246.

³ Слово о полку Игореве, под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, сер. «Литературные памятники», стр. 15. (В дальнейшем: Сл. о п. Иг., ЛП).

⁴ История культуры древней Руси, т. I. М—Л., 1951, стр. 427.

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 598.

⁶ Посольство в Персию князя Андрея Дмитриевича Звенигородского 1594—1596 гг. Труды Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. 20, 1892, стр. 271 (цитируется на основании карточек Словаря древнерусского языка в Институте языкознания АН СССР в Москве).

⁷ В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 234, Список Кирилло-Белозерский.

⁸ Там же, стр. 235.

⁹ Там же, стр. 240, Список ГИМ (Сборник № 2060).

¹⁰ Там же, стр. 246, Список Ундольского.

¹¹ Там же, стр. 241, Список ГИМ (Сборник № 2060).

ворота своими острыми стрѣлами».¹ Таким образом, позже XII века произошла мена этих эпитетов в сочетаниях с «саблей», «стрелой» и закрепление их в народном творчестве в определенных устойчивых сочетаниях. В «Задонщине», в позднем списке XVII века — Синодальном, во фразе, заимствованной из «Слова о полку Игореве», читаем: «... с коленых стрел воспоены в [Ли]тивской земли».² Слово сочетание «каленая стрела» типично для устной традиции. До XVII века, кроме «Слова о полку Игореве», это словосочетание не удалось зафиксировать в письменных текстах.

В «Слове о полку Игореве» и «Задонщине» слово «забрало» выступает в значении помоста на городских стенах, где находились обороняющиеся. В XI—XV веках забрало — самое обычное укрепление города. В XVI—XVII веках, когда этот вид городских укреплений начинает исчезать, слово «забрало» еще применяется в значении других заграждений: забора, перил моста и др., а также переносно (образно). Очевидно, только для ранней редакции «Задонщины» — списка Государственного Исторического музея № 3045 (сборник ГИМ № 3045) конца XV—начала XVI века «забрало» в значении помоста на городских стенах являлось живым термином; в остальных же, более поздних списках памятника оно уже переписывалось по традиции, например: «Микулина жена Василевич[а] да Марья Дмитриева рано плакашас[я] у Москвы у берега на забралах аркучи».³

«Задонщина» механически подражает «Слову о полку Игореве» фразой: «Уже сталъ (бо тур) на борон»⁴ (ср. «Слово о полку Игореве»: «Ярь туре Всеволодъ! стоиши на борони»). Комментаторы считают, что «боронь» в обоих случаях значит «битва», «бой». Однако в значении войны, боя, битвы в письменных памятниках и в живой речи был распространен церковно-славянский вариант этого слова — «брань». Слово «боронь», кроме «Слова о полку Игореве», И. И. Срезневский и В. Даль отметили лишь в «Грамоте Смольян с Ригою» 1229 года, да и то в значении помехи, препятствия, запрещения. Также редко употребляется оно в эпоху «Задонщины» в письменности, например в значении защиты: «... вели на Матвѣя... в нашемъ отечествѣ свою царскую боронь учинить».⁵ В живых говорах это слово бытовало, видимо, шире. Еще в середине прошлого столетия в Новгородской и Курской губерниях отмечались слова «боронить» в значении «защищать» («Я бороню гостя от собак»), «заборона», «борона» — «защита» (ср. в современном русском языке «оборона»)⁶ Исходя из этих данных, можно предпологать, что слово «боронь» и в «Слове о полку Игореве» означало «защиту», т. е. два дублета «брань» и «боронь» уже в XII веке различались по смыслу. В том же значении «боронь», вероятно, попало и в список «Задонщины».

Глагол «потяти» означает по «Материалам для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского «ударить», «убить», «срубить». В «Слове о полку Игореве» слово «потяти» употребляется именно в этом значении: «Луце жь бы потяту быти, неже положену быти».⁷ В XVI веке слово «потяти» лишь изредка встречается в письменности. Поэтому оно в списках «Задонщины» заменяется общераспро-

¹ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 24.

² Труды ОДРА, VI, стр. 251.

³ Там же, Список ГИМ (Сборник № 2060), стр. 240.

⁴ Там же, Список ГИМ (Сборник № 3045), стр. 237.

⁵ Счетное (местническое) дело княгини Ульяны Троекуровой с Екатериной Бутурлиной ок. 1625 г. Временник ОИДР, 1850, кн. 6, Смесь, стр. 20 (цитируется на основании картотеки Словаря древнерусского языка).

⁶ Опыт областного великорусского словаря. СПб. 1852, стр. 13.

⁷ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 10.

страненным «посечен»: «...луче бы посеченым пасти, а не полонянымъ въспѣти от поганыхъ»;¹ «...лучьжи ш бы нам, господине, посеченым быти, нижели полоненым быти от поганых татар».² Механически, как архаизм, «потяти» было перенесено в список Ундольского (середина XVII века): «Лутчи бы нам потятым быти, нежели полоненым от поганых татаръ».³ В южных диалектах «потяти» — «посрубливать» сохранилось и в конце XIX века⁴ (ср. в современном польском языке «rosiać» — «перерезать», «изрезать»).

В две последние редакции «Задонщины» — списки Ундольского и Синодальный XVII века — писцы перенесли слово «ратай» из «Слова о полку Игореве»: «И в то время по Рязанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличют»⁵ (ср. «Слово»: «Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть»). В значении пахаря, земледельца «ратай» в XII веке было общеупотребительным. В начале XVII века, а может быть и раньше, оно обнаруживает тенденцию к утрате. Во второй половине XVII века мы уже не встречаем этого слова в литературных памятниках, кроме фольклора (в котором архаическая традиция, как известно, дольше сохраняется), а также северных русских говоров: архангельского, новгородского, олонечского. Таким образом, в середине XVII в., когда слово «ратай» было вписано в «Задонщину», оно уже представляло собой архаизм или диалектизм.

В «Слове о полку Игореве» лишь один раз упоминается «христьяны»: «Здрави князи и дружина, поборая за христьяны на поганья плъки».⁶ В «Задонщине» употребление этого слова вполне соответствует истории его бытования на Руси. На русской почве название «христианин» = «приверженец веры в Христа», заимствованное из Византии, контаминировало со словом «крест», что дало в результате новую форму «крестьянин». В XV веке значения этих форм разделились. «Крестьянин» начинает обозначать русского земледельца, заменив собой «смерд» и «сельчанин».⁷ Однако превращение этих форм в два разных слова произошло постепенно; лишь к началу XVIII века в литературных памятниках исчезает смешение «христианин» и «крестьянин» в значении последователей христианской религии. В «Задонщине» в ранних списках используется форма «крестьянин»: «...а рѣку Дон кровю пролемъ за землю рускую и за вѣру крестьянскую».⁸ В списке Ундольского (XVII век) замечается колебание этих форм, и, наконец, в самом позднем, Синодальном, списке окончательно побеждает церковное «христианин», «христианский».

«Конь» фигурирует в обоих памятниках только в значении боевого коня. В «Слове о полку Игореве» везде встречается форма живого, народного языка — «комонь». В ранней редакции «Задонщины», Кирилло-Белозерской (XV век), употребляются две формы этого слова — «конь» (общеупотребительное) и «комонь»: кони ржутъ на Москвѣ»,⁹ «сядемъ, брате, на свои борзи комони»¹⁰ (ср. в «Слове»: «а всядемъ, братие, на свои бръзья комони»)¹¹. Еще один раз «комони» встречается в списке

¹ Труды ОДРЛ, VI, стр. 240. Список ГИМ (Сборник № 2060).

² Там же, стр. 253, Синодальный список.

³ Там же, стр. 246.

⁴ Ф. Пискунов. Словарь живого народного письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи. Изд. 2-е, Киев, 1882, стр. 207.

⁵ Труды ОДРЛ, VI, стр. 247, Список Ундольского; стр. 253, Синодальный список.

⁶ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 31.

⁷ См.: П. Я. Черныш. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, стр. 285

⁸ Труды ОДРЛ, VI, стр. 238, Список ГИМ (Сборник № 2060).

⁹ Там же, стр. 233, Кирилло-Белозерский список.

¹⁰ Там же, стр. 234.

¹¹ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 10.

«Задонщины» конца XVI—начала XVII века: «Имѣемъ под собою боръзьяи комони».¹ Можно предполагать, что «комонь» было почти окончательно вытеснено из русского языка словом «конь» раньше XV века. Поэтому для времени «Задонщины» слово «комонь» являлось уже архаизмом и было перенесено в ее списки из «Слова о полку Игореве». Итак, при внимательном сличении словарного состава «Слова» и «Задонщины» можно заметить, что слово, встречаемое в «Слове о полку Игореве», заменяется другим в «Задонщине», равным или близким по смыслу, или из двух возможных синонимов авторы в этих памятниках используют разные. Это приходится наблюдать даже в выражениях, заимствованных «Задонщиной»: «Тѣ бо суть сынове храбри. . . ведоми полковидцы, под трубами и подъ шеломи возлелияны в литовьской земли»² (ср. «Слово» «. . . а мои ти куряне свѣдоми к ъ мети: подъ трубами повити, подъ шеломи вѣзлѣлѣяни»)³. Ученые производят слово «кметь» от византийско-греческого *κομῆτης* — «селянин», «земледелец». В древней Руси XI—XII веков оно выступало главным образом в значении «воин». Повидимому, кмети на Руси принадлежали к числу людей, связанных с мелким боярством.⁴ Входя в дружину князя, они стремились обогатиться и выйти в феодалы, а многие из них действительно превращались в феодалов. Можно предполагать, что тенденция выбиться в верхи заставляла кметей отличаться на войне, стать лучшими из лучших. Поэтому термин «кмети» стал обозначать не просто воинов, а отборных воинов. На Руси это слово позже XIII века не удержалось и было заменено в «Задонщине» в списке конца XVI—начала XVII века на «полководец». Слово «полководец» начало входить в употребление, очевидно, лишь с конца XVI века. В связи с укреплением централизованной власти и исчезновением княжеской дружины термины «князь», «боярин», «воевода» перестали совмещать в себе понятие военачальника. Все чаще на эту должность стали назначаться дворяне. «Уложение о службе» 1550 года было крупным шагом к уничтожению феодальной привилегий на командные должности в войске. Нейтральным термином, который обозначал командную должность в армии без указания на сословие, стало слово «полководец», употребляемое сначала, вероятно, в узком смысле. Ср.: «Наврузи мурзи сказал крымской царь, чтоб он был готовъ с нимъ на службу и надо всеми его ратными людьми был болшимъ полководѣцомъ».⁵

В «Слове о полку Игореве» для обозначения музыканта, слагателя песен используется очень редкий церковный термин «песнотворец»: «Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля».⁶ Редкость употребления названия «песнотворец», а также, очевидно, особый стилистический оттенок (торжественности) этого слова послужили причиной к тому, что в «Задонщине» в этом значении фигурирует обычное русское слово «гудец»: «Первѣе всѣхъ вшедъ восхвалимъ вѣщаго го Бояна в городѣ в Киевѣ, гораздо гудца».⁷

В «Слове о полку Игореве» читаем: «. . . тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть».⁸ В «Задонщине» в выражении, заимствованном из

¹ Труды ОДРА, VI, стр. 239, Список ГИМ (Сборник № 2060).

² Там же, стр. 238.

³ Сл о п. Иг, ЛП, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 392.

⁵ Архив Ленинградского отдела Института истории АН СССР, Акты Астраханской воеводской избы XVII в., № 2979, стлб. 9 (1654 г.).

⁶ Сл. о п. Иг, ЛП, стр. 30.

⁷ Труды ОДРА, VI, стр. 233, Кирилло-Белозерский список; ср стр 237, Список ГИМ (Сборник № 2060); стр 243, Список Ундольского; стр 250, Синодальный список.

⁸ Сл о п. Иг., ЛП, стр. 16.

«Слова» и перефразированном, «кикати» заменено на «кликати»: «Уже, брате, пастуси не кличють».¹ Очевидно, в XII веке «кикати» было редким диалектным элементом. Трудно определить, употреблялось ли оно тогда в значении «кричать» в применении к людям или это — художественный прием автора «Слова о полку Игореве». До нас оно дошло в говорах и фольклоре лишь в качестве обозначения крика птиц (лебедей): «кикати (о лебеде)», «кричать», «петь»: ² «Ужь как стали гуси сѣрые || Что лебедушку щипати, || А лебедушка кикати».³ Автор «Задонщины» вместо диалектного слова использовал общерусское «кликать».

В «Слове» употреблено название «лада» в значении мужа, супруга: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думю сдумати»⁴ и пр. в Плаче Ярославны. В «Задонщине» во фразах, подражающих «Слову о полку Игореве», фигурирует общерусское слово «муж». «Уже сестрици наши, мужей нашихъ в животь нѣту»;⁵ «Москва, Москва, быстраа рѣка чему еси залѣляла мужей нашихъ от нас в землю половецкую литовьскую».⁶ В дохристианской Руси именем Ладо называли божество веселья, супружеского счастья: «четвертыи идол Ладо сего имяху божия веселия і всякаго благополучия жертвы ему приношаху готовящиися ко браку».⁷ Можно предполагать, что отсюда слово «лада», «лада» получило в живой народной речи значение обоих супругов с ласкательным оттенком, как оно вошло в «Слово о полку Игореве». В XII веке, когда старые языческие традиции были еще действительны в народе, название «лада», вероятно, часто употреблялось в живой речи (может быть, даже сохранялся тогда и обряд, связанный с этим культом). То обстоятельство, что оно не фиксируется в письменности в значении ласкательного названия одного из супругов, кроме «Слова о полку Игореве», повидимому, вызвано еще не забытой связью данного значения с именем языческого божества, которая не позволяла применять его в церковной литературе. Авторы же светских произведений в древней Руси тоже находились под влиянием борьбы с язычеством. Поэтому слово «лада(о)» не вошло в литературный русский язык, в течение нескольких столетий сохраняясь в говорах, насколько можно об этом судить по многочисленным примерам из фольклора и данным диалектов: «Ему женушка возмолилася, || Въ праву ноженьку поклонилася: || „Ужь ты, мужъ ли мой, мужъ, ла до милое!“»⁸ и т. д. В эпоху «Задонщины» это слово было тоже диалектным, и автор «Задонщины» предпочел ему обычное слово «муж». Однако, поскольку «муж» стилистически нейтрально, в то время как «лада(о)» несет в себе ласкательный оттенок, художественное достоинство соответствующих выражений в «Задонщине» снижается от этой замены.

В двух последних списках «Задонщины» — Ундольского и Синодальном XVII века — во фразах, заимствованных из «Слова», произошла еще интересная замена: «борзый конь» на «добрый конь». В списке Ундольского произошла такая замена в четырех случаях из пяти: «Сѣдлай, брате Андрѣй, свой доброй конь».⁹ Ср.: «Сѣдлай, брате Ондрѣй, свои

¹ Труды ОДРА, VI, стр. 235, Кирилло-Белозерский список.

² А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия СПб., 1885, стр. 65.

³ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. Київ, 1926, стр. 208.

⁴ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 17.

⁵ Труды ОДРА, VI, стр. 235, Кирилло-Белозерский список.

⁶ Там же, стр. 236, Список ГИМ (Сборник № 3045).

⁷ Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. II. XIII—XVIII вв. Записки Моск. археол. инст., т. XVIII, 1913, стр. 296.

⁸ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895, стр. 156

⁹ Труды ОДРА, VI, стр. 245.

борзи комони»¹. Ср.: «Сѣдлай, брате, свои брѣзы комони».² В. Перетц³ отмечал, что случаи такого замещения были в древнерусских памятниках и раньше. В последних списках «Задонщины» эту замену можно, вероятно, объяснить тем, что в течение XVII века «борзый» все чаще применяется к собакам и постепенно приобретает смысл узкого охотничьего термина («борзой», «борзая»). В некоторых случаях изменения выражений «Слова о полку Игореве» в «Задонщине» являются стилистическими. Например: «Уже бо вѣскрипѣли телегы меж Дономъ и Непромъ»,⁴ в то время как в «Слове»: «крычатъ тѣлѣгы полунощы»⁵ В «Слове о полку Игореве»: «Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубию (подобию)»,⁶ в «Задонщине» читаем: «А уже бѣды их пасоша птицы крылати под облак лѣтят»⁷ В «Слове»: «. вльци грозу вѣсржатъ по яругамъ»,⁸ «Задонщина»: «. . волцы грозно воют»,⁹ «Слово»: «Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и половци сулицы своя поврѣгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи»,¹⁰ «Задонщина»: «Уже поганые оружие своя повергоша на землю, а главы своя подклониша под мечи руские».¹¹

Как мы видим, здесь изменения производились автором и писцами «Задонщины» по двум линиям: по линии упрощения стилистики и по линии замены общеупотребительными редких диалектных слов, вроде «вѣсржать», до сих пор не обнаруженного не только в письменности, но и в диалектах.

Упрощение в художественном отношении языковых и стилистических средств при подражании «Слову о полку Игореве» вообще является характерным для «Задонщины». Например, всюду в списках употребляется стилистически нейтральное «живот» и нигде — книжное «жизнь»; вместо «напастъ» — «беда»: «А уже бо вѣстонала земля татарская, бедами и тугою покрываш[я]»¹² (ср в «Слове»; «А вѣстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастыми»¹³). Не встретим в «Задонщине» церковного слова «похоть», а лишь общерусское нейтральное «хотение», «желание»: «Занеже ихъ было мужество и желаніе за землю русьскую и за вѣру христианскую».¹⁴ В «Задонщине» не встретим и слова «бусый», а только — «серый»: «И отсочи Мамай сѣрымъ волком от своего дружины и притече к Кафы граду»¹⁵ (ср.: Игорь «вѣврѣжеся на брѣзь комонь, и скочи съ него бусымъ вълкомъ. И потече къ лугу Донца. . .»¹⁶).

Можно привести много и других примеров, когда вместо редкого книжного или диалектного, удачно опоэтизированного лексического элемента «Слова о полку Игореве» мы сталкиваемся в списках «Задонщины» с его общерусским синонимом, стилистически нейтральным. Правда, как видно из наших примеров, некоторые из таких замен были исторически оправ-

¹ Труды ОДРЛ, VI, стр. 234, Кирилло-Белозерский список

² Сл о п Иг, ЛП, стр. 11.

³ В. Н. Перетц К изучению «Слова о полку Игореве», Л, 1926, стр. 96

⁴ Труды ОДРЛ, VI, стр. 239, Список ГИМ (Сборник № 2060)

⁵ Сл о п Иг, ЛП, стр. 12.

⁶ Там же, стр. 13

⁷ Труды ОДРЛ, VI, стр. 245, Список Ундольского

⁸ Сл о п Иг, ЛП, стр. 13

⁹ Труды ОДРЛ, VI, стр. 245, Список Ундольского

¹⁰ Сл о п Иг, ЛП, стр. 23

¹¹ Там же, стр. 248, Список Ундольского.

¹² Там же, в разных списках (стр. 237, 242, 248)

¹³ Там же, стр. 18

¹⁴ Труды ОДРЛ, VI, стр. 243, Кирилло-Белозерский список

¹⁵ Там же, стр. 242, Список ГИМ (Сборник № 2060)

¹⁶ Сл о п Иг, ЛП, стр. 28

даны («мечи харалужные» — «мечи булатные»; «потятым» — «посеченым»; «лада» — «муж», «кмети» — «полководцы»). Однако большинство таких противопоставлений общерусских лексических единиц малоупотребительным, но стилистически более насыщенным элементам «Слова о полку Игореве» выявляет в «Задонщине» процесс формирования русского национального языка, начавшийся в XV веке и особенно интенсивно проходивший в XVI—XVII веках. Автор и писцы «Задонщины» осуществляли сразу или постепенно от списка к списку прогрессивное стремление своей эпохи — отбор общелитературных языковых средств. При этом, конечно, сильно страдала художественная сторона памятника, и хотя «Задонщина» по своим поэтическим качествам — значительное произведение древнерусской литературы, все же ей далеко до своего бессмертного прототипа.
